

Дан Берг

Новое под солнцем

*“Лучше горстка покоя,
чем полные пригоршни суеты и погоня за ветром”.*
Екклесиаст, 4,6

“И на большие умы живет расход”.
В.И. Даль, “Пословицы русского народа”

Вечный избранец, кто тебя выдумал?

1

В далекой древности существовал город под названием Ур-Касдим. Для тех, кто не знает или случайно забыл, где сие место было расположено, сообщаем, что находилось оно в глубине Вавилона, называемого ныне Месопотамией, между реками Тигр и Евфрат.

В Ур-Касдике правил царь Нимрод. Хорош он был или плох – мы узнаем из дальнейшего правдивого жизнеописания монарха и его современников. Хотя, как учит нас житейский опыт, хорошее, порой, кажется плохим, и наоборот. То, что для одного комар, для другого – верблюд. Кому как. Однако оставим в стороне вещи тривиальные и двинемся в путь дальше к новому под солнцем.

Кто такие были подданные Нимрода? Во-первых, советники при дворе, они же жрецы. Эти высоко просвещенные визири умели предсказывать будущее по звездам, и, прочитав книгу грядущего, вразумляли царя. Приняв за истину взятые с неба откровения, монарх, говоря по-современному, строил свою внутреннюю и внешнюю политику. Во-вторых, воеводы и солдаты. Роль войска в государстве достаточно ясна и не нуждается в пояснении. В-третьих, ремесленники и торговцы. Одни изготавливали на продажу всевозможные изделия, включая деревянных, каменных и глиняных идолов, другие – продавали плоды трудов. И, наконец, в-четвертых, крестьяне, кормившие себя и первые три категории жителей Ур-Касдима.

Нимрод был не только царем, но и богом для подданных своего царства. Богом не в фигуральном смысле всемогущего властителя, а в прямом понимании высшего существа. Ему молились и ждали от него чудес. Это отнюдь не специфическое обстоятельство древности, так было прежде и ныне не везде изжито. Люди склонны обожествлять властителей.

В те давние времена, выражаясь теперешним шершавым плакатным языком, религию еще не догадались отделить от государства. Впрочем, изобретение это и поныне не сделалось всеобщим достоянием человечества.

Отметим, что в каждом городе и у каждого племени был свой бог, или даже несколько богов, покровители и каратели. Люди придавали им материальную форму в виде идолов, упомянутых выше. К своим богам относились трепетно, к чужим же с уважением и солидарным признанием их необходимости. Факт существования единого Творца был скрыт от древних умов. Забегая вперед, сообщаем, что один из персонажей настоящей повести произвел переворот в трактовке божественной сферы.

Нам необходимо познакомиться с царским советником по имени Терах. Человек сей оставил след, наложил печать, внес вклад, вошел в анналы и так далее и тому подобное. Терах был самым умным визирем при дворе Нимрода. За доброту, честность и коммуникабельность его любили коллеги-звездочеты, да и сам монарх высоко ценил своего лучшего вассала и относился к нему с особым уважением, делая это тонко и деликатно, дабы не дать повода для зависти прочим царедворцам.

Попытаемся разобраться в семействе Тераха. Состав его частично описан в Книге книг, а также в легендах, коими мудрецы обогатили Священное Писание. Надо признать, что в отношении особ богатых и высокопоставленных, тогдашнее понятие семьи являлось достаточно неопределенным, вследствие доступного толстосумам многобрачия и других законных видов сожителства полов. Тем не менее, нам вполне достанет почерпнутых из книг сведений, чтобы уверенно назвать нужных действующих лиц.

Итак, укажем на двух сыновей Тераха. Одному вышло имя Авраам, другому – Аран. Для целей нашего повествования этих двоих достаточно, хотя, как не трудно догадаться, ими не исчерпывается многочисленное мужское потомство патриарха. Родила Авраама и Арана одна из жен Тераха, ее звали Эматлай. Другая жена родила ему дочь Сару. Подошло время, и Терах поженил Авраама и Сару. Таким образом, ставшая впоследствии знаменитой супружеская чета составлялась из единокровных брата и сестры. Добавим еще одну фигуру – это Лот, сын Арана, племянник Авраама, внук Тераха. Автор обещает читателю помочь в дальнейшем справиться с обилием имен.

2

Первыми камнями, положенными в фундамент нашей истории, стали необычайные обстоятельства появления на свет Авраама. Однажды, после захода дневного светила, мудрые звездочеты Нимрода, пребывавшие на своем обычном наблюдательном посту, заметили в ясном ночном небе нечто необычное. Скорее всего, на черном бархате небосвода заблестела новая звезда. Возволнованные, советники принялись обсуждать загадочную перемену. К ним присоединились проницательные предсказатели будущего. Все вместе выработали логичную интерпретацию свершившегося чуда.

Едва дождавшись утра, советники поспешили к царю с тревожной новостью: “О, Нимрод, звезды указали нам на скорое рождение мальчика, который вырастет невероятно быстро и примется порочить наших идолов, а затем лишит твоих подданных веры в тебя, как в бога, и, хуже того, приведет своего небожителя и станет убеждать людей, что только его ставленник и есть настоящий бог!”

В этой драматической ситуации Нимрод принял единственно правильное решение. Он приказал немедленно построить специальное здание, доставить туда всех без исключения беременных женщин из его владений, а затем убивать новорожденных мужского пола по мере появления на свет. Царский указ был ревностно исполнен, и семьдесят тысяч младенцев покинули мир, не прожив и дня.

Терах молчаливо присутствовал на чрезвычайном царском совете и поэтому одним из первых узнал о намерении Нимрода. Наскоро попрощавшись с монархом и с мудрецами, он поспешил домой к своей беременной жене Эматлай. В закрытой повозке он увез ее за пределы Ур-Касдима и спрятал в пещере. Всегда верный своему владыке и убежденный в его божественной природе, на сей раз чадолюбивый Терах обманул Нимрода.

Подошел срок, и Эматлай родила мальчика. Она нарекла младенцу имя Авраам. Вернуться домой с новорожденным никак нельзя было, ибо сие означало нарушение царского указа. Чутье подсказало матери: оставь дитя одного, и случится чудо, и Авраам не погибнет. С тяжелым сердцем Эматлай покинула пещеру, устроив беспомощному младенцу постель из молодых веток и мягких листьев.

Предчувствие не обмануло горюющую мать. К новорожденному спустился с Небес ангел Габриэль и принялся поить малютку молоком. Посланец Господа тщательно и со знанием дела выполнял все необходимые для выхаживания младенца процедуры.

Через десять дней Авраам встал на ноги, самостоятельно вышел из пещеры и уселся у ручья. Он осмотрелся вокруг и увидел чистое небо, сияющее солнце, благоуханную землю, прозрачную воду, сверкающую зелень. И пронзила ум отрока блистательная догадка: столь совершенный мир не мог возникнуть сам собою, но с неизбежностью должен существовать всемогущий Творец, создавший это чудо.

Забегая вперед, отметим, что позднее, когда Авраам вырос и лучше узнал мир и людей, он продвинул далеко вперед озарение своего младенчества и посвятил всего себя воплощению пророчеств царских мудрецов. Тут небезынтересно указать на одну парадоксальную деталь: хотя верные адепты Авраама обличали ранее и поныне осуждают гадание по звездам как пустое суеверие, тем не менее, они вынуждены признать истинность прозрения астрологов Нимрода.

Увидя, как питомец твердо стоит на ногах и более не нуждается в опеке, Габриэль оставил его и вознесся на Небеса. Зато материнское сердце Эматлай не вынесло разлуки с дитём, и она тайно пробралась в пещеру. К своему изумлению и даже страху она обнаружила, что ее Авраам, которому всего-то десять дней отроду, развился фантастически стремительно, и ходить, говорить и мыслить он начал одновременно. Мать обласкала сына, а тот поведал ей свои первые думы.

Эматлай рассказала Тераху о небывалых чудесах, произошедших с их Авраамом. Отец понял, что его сын и есть тот самый ребенок, который лишит народ веры в божественную роль Нимрода, да еще и приведет своего бога. Верноподданный визирь, Терах с повинной головой явился к монарху, признался во лжи и с ужасом поведал правду об Аврааме.

Нимрод слишком почитал своего лучшего советника, чтобы немедленно покарать его за обман, столь по-человечески понятый. Но, с другой стороны, нельзя было оставлять без последствий дело, смертельно грозившее благополучию царя, родины, веры. Подумав, Нимрод предложил Тераху продать ему Авраама, которого он убьет ради высшей цели. Терах взял три дня на размышления. Любовь к собственному чаду толкнула его на подлог. Он купил у своей рабыни ее новорожденного сына и принес ребенка во дворец, сказав царю, что это и есть Авраам.

Чужое дитя было предано смерти. Нимрод вскоре забыл о тревожных перипетиях, а тем временем Авраам рос в доме Тераха и шаг за шагом шел к претворению в жизнь своей дерзновенной программы переустройства умов.

Повзрослев, Авраам с несомненной очевидностью осознал, что многочисленные боги и воплощающие их в дереве, камне или глине идолы, суть ложные фетиши, почитание коих есть никчемная трата времени. В юной голове окончательно созрела абсолютно надежная альтернатива безмолвным и бесполезным истуканам, а именно: реально существует Творец, создавший мир, и Он единственный Бог, и только в Него следует верить, и лишь Ему поклоняться.

Безуспешно пытался Авраам внушить свои идеи отцу. Терах оставался привержен владыке, полагал Нимрода не только царем, но и богом. Любопытная подробность: преданный визирь в часы досуга увлекался лепкой из глины идолов разной величины. Хотя он был достаточно богат, тем не менее не пренебрегал побочным доходом от продажи состоятельным жителям Ур-Касдима или заезжим купцам творений ваятельного искусства рук своих.

Здесь важно заметить, что, не смотря на неколебимую верноподданность, Терах относился вполне терпимо к диссидентству сына. Отец хоть и не признавал учение Авраама за истинное, но гордился талантом юноши и высоко ценил его прозрения. В глубине души Терах давал минимальный шанс правоте наследника. Отец не ограничивал свободу мысли сына, не ставил препоны набирающей силу деятельности Авраама в ипостаси народного агитатора. Впоследствии мы убедимся, как лояльность Тераха будет по достоинству оценена Господом.

Аран, брат Авраама, а также Лот, сын Арана и племянник Авраама, отчасти принимали революционные идеи родственника, но делали это вяло, без жара и огня, допуская в своей повседневной практике рецидивы возврата к поклонению Нимроду и кумирам.

Вот живой пример оппортунизма Арана и его сына. Как упомянуто выше, Терах лепил из глины больших и малых идолов. Он посылал сыновей и внука на рынок для продажи произведений своего рукоделия. Аран и Лот соглашались и приносили Тераху вырученные деньги. Зато Авраам категорически отказывался пособничать язычеству и, улучив удобную минуту, даже разбивал готовый товар. Он лукаво говорил раздосадованному отцу, дескать, это самый крупный и сильный истукан надругался над своими мелкими собратьями. На замечание Тераха, мол, изваяние не способно совершить подобное действие, ибо оно мертво, Авраам торжествующе смеялся.

Достоин внимания тот факт, что, если убежденного язычника Тераха ждала награда Господа, то наполовину праведный Аран был Им беспощадно наказан за маловерие. Такое положение вещей дало мудрецам пищу для размышлений о критериях, коими руководствовался Бог.

Авраам проповедовал свое учение на рынках, площадях и улицах Ур-Касдима. Усилиями неутомимого пропагандиста вера в единственного и живого Творца и, вместе с тем, отречение от многочисленных и мертвых идолов находили все больше и больше сторонников в народе.

Советники Нимрода сообщили монарху о тревожных симптомах надвигающейся опасности для царского божественного величия. Тут Нимрод поневоле вспомнил о давнем пророчестве звездочетов. Испытывая некоторые подозрения, он призвал к себе Тераха, поделился с ним своими опасениями, и, сверля визиря колючим взглядом, спросил его совета. Испуганный Терах не вынес витавшей в воздухе угрозы разоблачения и признался в своем втором обмане: не Авраама, а сына рабыни он принес на заклятие.

Осторожный Нимрод не стал торопиться с санкциями. Он задумал подкупить Авраама. Подношения смягчают фанатизм. Глашатаи объявили, мол, во дворце состоится роскошный пир, и почетными гостями на торжестве будут Терах и его сыновья. Провозглашая тост в честь Авраама, царь выразился в том смысле, что ожидает от своего наделенного незаурядным умом подданного решительного поворота в характере агитации, почтительного отношения к идолам и

веры в царя как бога Ур-Касдима. Свою речь Нимрод заключил сообщением, что Авраама ожидают богатые царские дары.

Неподкупный Авраам с презрением отверг лесть и подарки и поклялся царю не сворачивать с истинного пути. Он бросил в лицо Нимроду обвинение в обмане народа, утверждая, что монарх никакой не бог, но существует истинный Бог, и Он единственный, и сотворены Им мир и люди, и никто из человеков не вправе узурпировать Его божественную сущность.

Переживая неудачу подкупа, Нимрод с тяжелым сердцем пришел к заключению, что нет иного пути, как погубить фанатичного злоумышленника. Перед дворцом был разложен огромный костер. Авраама, а заодно и Арана, привели на дворцовую площадь со связанными за спиной руками. Слуги разожгли огонь, а палач втолкнул обреченных в самое пекло. Когда горючий материал костра превратился в золу, а дым рассеялся, зрители увидели обугленный труп Арана и живого и невредимого Авраама – только веревки сгорели на руках праведника. И всем стало ясно, что сие есть воля Бога, о котором без усталости твердит Авраам.

Свершившееся до глубины души поразило Нимрода. Он припомнил покаянный рассказ Тераха о невероятных событиях первых дней жизни Авраама в пещере, о появлении ангела и о других чудесах, сопутствовавших юноше. Царь проникся мистическим страхом перед Авраамом и его Богом. “Я не в силах уничтожить Авраама, - подумал Нимрод, - и пытаться опасно, ибо Бог его силен необычайно, посему я должен изгнать из своих владений все семейство, и только так спасусь!”

Монарх решительно предложил Тераху вместе с чадами и домочадцами покинуть пределы царства. Желая задобрить неведомую, но опасную силу, Нимрод снабдил изгнанника щедрыми дарами – стадами крупного и мелкого скота, золотом и серебром, наложницами и рабами. Среди последних был и Элиэзер, коему еще предстоят великие дела. Терах уступил Аврааму раба Элиэзера.

Так совпало, что в день, когда Нимрод выслал Тераха, сошел Господь к Аврааму, и приказал ему покинуть Ур-Касдим и двинуться в сторону Ханаана. И вот уж Терах и весь клан его погрузили поклажу на верблюдов и ослов и двинулись в путь.

4

На одном из привалов долгого пути завязалась меж пилигримами беседа у походного очага.

- Я сожалею о моем отце, сгоревшем в костре жестокого Нимрода, - сокрушался Лот, - и никак не возьму в толк, почему дядя Авраам вышел целехоньким из огня?

- Моя скорбь, Лот, много острее твоего сожаления, - сказал Терах, - ибо боль отца, потерявшего сына, куда как сильнее томления сына, проводившего в могилу своего отца.

- Ты не ответил внуку, отчего это убивший Арана огонь не причинил вреда Аврааму, - заметила родителю Сара.

- Не ответил, потому как не знаю точно. Предположения мои – не ответ! - воскликнул Терах, - может быть, муж твой, Сара, объяснит нам чудо?

- Разве чудесам нужны объяснения? – с сомнением бросил Элиэзер.

- Ты прав, Элиэзер, - вступил в разговор Авраам, - чудеса нуждаются не в объяснениях, а в простой вере. Добавлю, что я не меньше других горюю о потере Арана, бедного моего брата.

- А твой Бог – это чудо? – спросил Терах.

- Разумеется, нет! – поспешил ответить Авраам.

- Стало быть, и верить в Него не требуется? – удивился Элиэзер.

- Конечно, не требуется! – повторил свой ответ Авраам, взглянув в изумленные лица собеседников, - к чему вера? Ведь Он не чудо и не тайна, Он существует абсолютно реально, Он не мертвый идол, Его присутствие ощутимо повсюду, Его близость мы можем чувствовать всеми фибрами души!

- Опять ты повторяешь свою нескончаемую песню, - с досадой заметил Лот.

- Что делать? – вздохнул Авраам, - для многих мотив оказался слишком сложным, и песню приходится повторять!

- А теперь будь добр, муженек, и повтори нам сказанное тебе Господом, - обратилась Сара к Аврааму, - ведь Он не только отдал приказ отправляться в Ханаан, не так ли? Что Он к этому добавил?

- Не забывай, дочка, ты всего лишь женщина, - Терах напомнил Саре, - не обременят ли лишние знания твой женский ум?

Сара обиженно поджала губы и отвернулась от Тераха. Собравшись с мыслями, Авраам приготовился отвечать, но тут с вышины слетел ангел Габриэль, старый знакомый Авраама. Ангел непринужденно уселся на предназначенное для костра большое полено и плотно прижал к спине крылья, чтобы огонь не опалил их. Кажется, появление посланца Небес никого не удивило.

- Молчи, Авраам! – вскричал Габриэль, - я не хочу, чтобы слова Господа исходили из уст смертного! Я, небесное создание, сам отвечаю на вопрос Сары.

- О, конечно! – смутился Авраам, - я всего лишь раб Божий. Говори ты, Габриэль!

- Бог велел Аврааму покинуть родину и двинуться в чужие ханаанские края, - подтвердил Габриэль, - а в награду за страдания трудного пути и за муки освоения неизведанной земли дал три обещания.

- Какие же? – нетерпеливо перебил ангела Элиэзер?

- Первое – Он сделает потомство Авраама великим народом, второе – благословит сей народ, и третье – прославит великое и благословенное племя, - отчеканил ангел.

- Недурно! Большому кораблю – большое плавание! – с оттенком зависти заметил Лот.

- Справедливо! - подхватил Терах, - ведь потомство моего сына – это и мое потомство. Как говорится, по заслугам и честь!

- Хотелось бы подробнее услышать о заслугах, да и честь выглядит отчасти туманно, - вновь подала голос неугомонная Сара.

- Женщина права, требуются подробности, - промолвил Габриэль, с уважением посмотрев на Сару, которая, в свою очередь, бросила торжествующий взгляд на отца, - великие заслуги Авраама состоят в том, что он осознал единственность Бога, сотворившего мир, и бесстрашно, пренебрегая монаршим гневом, убеждал в этом своих земляков. Он отучал их от поклонения мертвым истуканам. Оказанная Аврааму честь – это три упомянутых обещания, которые, по существу, есть фундаментальное обязательство Всевышнего сделать потомков Авраама избранным народом. А теперь не хочешь ли ты что-нибудь добавить, Авраам?

- Пожалуй, разьясню, как видится мне ценность избранничества, - сказал Авраам воодушевленно, - в конце концов Творец будет признан всеми народами, однако только моему племени Он станет не только Богом, но и отцом. О, сладкая мысль о превосходстве! Господь поможет нам одолеть врагов и завоевать землю от реки Египетской до реки Пырат!

- Авраам, ты не первый год женат на Саре, а детей у вас нет, - не слишком деликатно заметил Лот, - так какому же потомству предстоит стать великим народом?

- Господь обещал нам с Сарой сына-наследника, - убежденно заявил Авраам и нежно обнял зардевшуюся супругу, обрадованную и одновременно смущенную публичностью обсуждения узкосемейной темы.

- Любопытно, в чем состоит интерес Господа в этой истории? – задал прагматический вопрос Элиэзер.

- Позволь мне, Авраам, ответить твоему материалистически мыслящему рабу, - вновь вступил в разговор ангел Габриэль, - не только народ Авраама, но все народы земли станут поклоняться Ему, как единственному Творцу, и, выражаясь утилитарным языком рабов, конкуренты-идолы не омрачат более дух Всевышнего. А как счастлив будет Господь, когда увидит, что соблюдение Его заповедей тотально истребит всякий грех, и воцарится повсеместная праведность!

- Утилитарный язык рабов! - с обидой повторил Элиэзер, - я не стыжусь своего лексикона, я рад за наш народ и поздравляю Авраама с отличной сделкой!

- Никакая это не сделка! – взвился Авраам, - это союз, великий союз!

- Я бы добавил: взаимовыгодный союз! – рассудительно заметил Терах.

- Сдается мне, высокие стороны искали не выгоду, а славу, - возразил деду Лот.

- Мне кажется, Авраам, некоторые реплики членов семьи не свидетельствуют о полноте их духовной зрелости, и тебе еще предстоит немалая разъяснительная работа в среде твоего славного клана, - сказал Габриэль.

- О, Габриэль, я не боюсь проблем, и миссию свою исполню до конца! – вдохновенно произнес Авраам.

- Сын мой! – воскликнул Терах, - долг платежом красен. Трудись самозабвенно, ведь Господь готов приблизить к себе наш народ!

- К слову о том, чей тут долг и кому платить. Женским моим умом не могу постичь, кому первому, тебе, Авраам, или Господу нашему пришла в голову мысль о взаимовыгодной сделке... извиняюсь, о великом союзе? – задала Сара вопрос, диссонирующий с духовным предметом беседы.

- Уверен, это мой сын, умница и светлая голова, догадался первым! – воскликнул Терах, любовно глядя на Авраама.

- Прости меня, дедушка, но я не вижу логики в твоих словах, - возразил Лот, - ведь Бог недосыгаемо велик, и, стало быть, счастливая мысль должна была озарить Его первым. Пусть сам Авраам подтвердит!

- Первенство не имеет никакого значения, - категорически заявил Элиэзер, - я думаю, что спор здесь неуместен!

Вопрос Сары остался без ответа. Авраам ничего не стал ни подтверждать, ни отрицать. Он недоуменно посмотрел на посланца Небес, а тот лишь многозначительно развел руками. “Мне пора возвращаться, - промолвил ангел Габриэль, расправил белые крылья, легко взлетел и скрылся в вышине.

Муж и жена, брат и сестра

1

Итак, мы уже знаем, что изгнанники Нимрода и посланцы Бога в одном лице, следуя трудным путем из благополучного Ур-Касдима в неведомый Ханаан, на одном из привалов затеяли идеологическую дискуссию. Как известно, идеология потенциально опасна своею разрушительной силой, но она безвредна, пока в нее не верят всерьез.

Полемика продемонстрировала, что богоревнивых Авраама, ангела Габриэля и примкнувшего к ним Элиэзера можно по справедливости назвать истовыми приверженцами замысла Господня. Прочие участники обсуждения явили собою мягкую оппозицию. Далее мы увидим, как новые события повлияют на воззрения легендарных личностей.

Трудна и длинна дорога, и на ходу всего не переделаешь. Животным нужно попастьись на весенних свежезеленеющих лугах. Скотоводам необходимо принять появляющихся на свет ягнят, козлят, телят, верблюжат, а счастливым матерям новорожденных требуется покой, дабы выкормить и поставить на ноги новое потомство. Да мало ли какие причины могут остановить путников! Нашим древним предкам виднее.

Совет клана избрал местом стоянки Харан – землю щедрую и населенную не слишком густо, и притом всё больше благонамеренными земледельцами. Неугомонный Авраам принялся горячо убеждать жителей Харана в бесполезности идолов и стал внедрять в их головы мысль о единстве Творца. Агитатор непрерывно обогащал свой ораторский опыт, оттачивал логику аргументов, искал и успешно находил пути индивидуального подхода. Не удивительно, что ему сопутствовал успех, и немало простолюдинов он вырвал из тьмы языческого невежества.

Наблюдая за достижениями сына, Терах все чаще задумывался о возможной правоте его. А тот не оставлял в покое отца. Авраам неустанно твердил Тераху, мол, Нимрод не истинно любил его, но делал ему добро ради собственной корысти. И если бы Терах не пошел вместе с ним, то непременно был бы убит царем.

Нет, патриарх не порвал с убеждениями молодости, с почтением к монарху, с любовью к родине. Но все-таки новые идеи обогатили его ум и сердце.

Годы спустя, Господь беспрецедентно высоко оценит лояльность язычника Тераха, отдавшего силы прекрасной борьбе за освобождение человечества. Всевышний щедро продлит годы его жизни – самое дорогое, что есть у смертного. Согласно утверждениям мудрецов, Терах прожил двести пять лет. Имеется и другое непротиворечивое свидетельство, якобы, Терах удостоился отпраздновать тридцатипятилетие внука Ицхака, о котором речь впереди. В виде исключения Бог поместит душу необычного идолопоклонника в рай. Так яркое сияние заслуг сына осветило жизнь и судьбу отца.

2

“Долго ли еще пребывать нам в Харане?” – спрашивал себя Авраам, и нетерпение его усиливалось день ото дня. И тут с Небес донесся долгожданный приказ Господа подниматься всему племени и продолжать путь в Ханаан. И из священных уст вновь услышал воодушевленный Авраам упомянутые три обещания.

Возрадовалась община, ибо к тому времени Авраам убедил весьма многих ее членов в выгодах затеянного предприятия. Поскольку люди жили по-походному, то были сборы недолги.

Опустим описание перипетий непростого пути из Харана в Ханаан. Добравшись до цели, счастливый Авраам пал ниц, широким размахом рук обнял землю будущей родины будущего народа, и слезы радости и гордости застлали глаза его. Он стал молиться Господу и благодарить Его за бесконечно великодушный дар. И, разумеется, с первых же часов пребывания в Ханаане принялся Авраам убеждать людей, сидевших на сей земле, в единстве Бога и в ненужности истуканов.

Однако Авраам не встретил в Ханаане столь же благоприятного отклика, как в оставшемся позади Харане. В чем было дело? Всё прояснилось, когда он услышал, наконец, вопль своих соплеменников. Кончились дорожные припасы, и увидели вчерашние пилигримы, что голод царит в стране.

Важно отметить, что до прихода племени Авраама в Ханаане не было нехватки продовольствия, и только с появлением пришельцев случилась беда. Нечего удивляться упрямству аборигенов, которые не поддавались на проповеди Авраама и отнеслись к нему не вполне доброжелательно. Неразвитый их ум связал меж собой два факта – прибытие иноземцев и возникновение голода – как причину и следствие, и вышло в их понимании, что бедствие принесли с собой чужаки.

Как известно, голод – это такого рода злосчастье, которое никогда не происходит по вине людей, но насылается на землю с Небес. Поэтому вполне логично предположить, и так и сочли в свое время мудрецы, что ханаанский голод был, по существу, очередным испытанием, которому Господь подверг Авраама. Как-то поведет себя раб Божий в годину несчастья, не возропщет ли на Всевышнего, не отречется ли от Него?

Авраам достойно выдержал испытание. Он и мысли богохульной не допускал, что можно гневиться на Господа, и соплеменников своих настойчиво убеждал в Его безусловной любви к переселенцам.

Практический аспект дел и мыслей Авраама в этой экстремальной ситуации выглядел следующим образом. Во-первых, он решил временно увести своих людей из Ханаана в изобильный Египет и там переждать голод. Во-вторых, Авраам подумал, что когда вернется сытость в эту землю, аборигены подберут и станут восприимчивее к его учению. И, в-третьих, в Египте он сможет обменяться полезными познаниями в разных науках с тамошними мудрецами. Египтяне знают много, но и вавилонцы не лыком шиты.

Намерение Авраама пережить голод в Египте вызвало неоднозначную реакцию соплеменников. Народ в массе своей согласился с решением вождя – а большинство уже признали Авраама таковым – но нашлись и противники, которые хоть и были горячими поборниками союза с Господом, но взглядами на методы и цели не всегда сходились с предводителем.

Эти люди, все молодые и сильные, высказались в том смысле, что лучше было бы остаться в Ханаане, применить известные в Вавилоне успешные приемы земледелия и скотоводства, научить аборигенов новым методам хозяйствования и общими силами одолеть голод. Оппоненты утверждали, дескать, в таком случае местные язычники скорее примут трудную для них идею единого Бога. “Мы должны быть благодарны Небесам за насылаемый голод, ибо он побуждает нас к большим делам!” – возражал Авраам.

Не желая вмешиваться в мужские дразги, Сара заняла нейтральную позицию. Лот и Элиэзер поддержали Авраама. Ну, а в прошлом многоопытный царедворец Терах посоветовал сыну хорошенько запомнить имена и лица несогласных – пригодится, мол, в будущей борьбе с фракционерами. Сам же Авраам решительно укоротил ворчунов – ведь решение его проистекает из мысли и слова Господня. Какие тут могут быть возражения?

3

Египет встретил пришельцев вполне благонамеренно. Авраам изложил фараону причину, которая привела его племя к берегам Нила, обещал не задерживаться слишком долго и не испытывать гостеприимство хозяев. В обмен на пищу, Авраам, как человек ученый, предложил монарху поделиться с местными мудрецами накопленными в Вавилоне знаниями о природе.

Просвещенный фараон весьма ценил науку и охотно принял предложение, тем более что в изобильном зерном Египте хлеба предостаточно. Царь познакомил гостя с богами своего народа. Авраам с удивлением узнал, что египтяне выделяют одного бога, как главного, и в этом их вера близка к авраамовой вере. Поэтому он подумал, что проповеди на египетской почве принесут несомненный успех. К сожалению, дальнейший ход событий помешал его миссионерству.

Фараон познакомил Авраама и Сару с гаремом – своей гордостью. Царь уверил гостя, что многочисленные женщины нужны ему вовсе не ради потворства тщеславию или похоти – нет, он просто очень романтичен по природе, истинно любит всех жен и неизменно рад появлению новых лиц в своем храме любви.

Авраам встревожился. А что если любвеобильному фараону приглянется Сара? Пока она мужняя жена, царь не посмеет взять ее к себе в гарем. Но ведь как просто устранить столь незначительное препятствие: коварным египтянам достаточно всего лишь убить Авраама, и Сара свободна!

Две мысли пронзили мозг Авраама. Первая – он хочет жить. Вторая – он не имеет права умереть, не исполнив своего высшего предназначения. Авраам рассказал Саре о своих опасениях и велел ей, если потребуется, говорить фараону, что они не муж и жена, но брат и сестра. Авраам мотивировал необходимость этой полулжи своей второй мыслью. Но Сара догадалась и о первой.

Предчувствие не обмануло Авраама. Фараон призвал к себе Сару, сообщил о своей любви к ней, спросил, кем ей приходится Авраам, и, получив удовлетворительный ответ, объявил, что намерен на ней жениться. Царственный жених преподнес невесте изумительные золотые украшения. В этот же час благодарный фараон назначил Авраама на важный пост при дворе и предоставил в его распоряжение колесницу и кучера. Авраам с благодарностью принял дары.

Сара же не только сокрушалась о своей рабской гаремной будущности, но и досадовала на довольство мужа и уж почти разочаровалась в его благородстве. Она сочувствовала влюбленному в нее фараону – ведь очарование новизны в любви подобно весенним полевым цветам – расцветают пышно, но быстро тускнеют.

Что могла предпринять Сара в своем незавидном положении? Ей стало абсолютно ясно: спасение чести женщины – дело рук самой женщины. До свадьбы оставалось еще несколько часов, по прошествии которых свершится необратимое. Сара возвысила голос в молитве и обратилась за помощью к Богу, ибо больше неоткуда ждать спасения. Господь немедленно направил ангела Габриэля на землю, дабы посланец Небес остановил преступление.

Габриэль решительно влетел в покои фараона, когда слуги наряжали его в особый наряд, специально предназначенный для утех первой брачной ночи. “Остановись, фараон, пока не поздно! – вскричал Габриэль, - да будет тебе известно: Сара – жена Авраама! Не преступай закон, не покушайся на чужое!”

Фараон заплакал, сокрушаясь о несчастной любви и незавидной своей доле. Он слишком любил Сару, чтобы укорять ее за обман. Монарх египетский наслышан был о силе авраамова Бога и почел за благо отступить. Царь выслал Авраама и все его племя из Египта, но, чтобы задобрить Небеса, снабдил на дорогу неблагодарного гостя обильными съестными припасами и подарил ему свою дочь от одной из наложниц – прекрасную Агар. В будущем этой женщине суждено сыграть заметную роль в истории. Испытывая смутные угрызения совести, Авраам передал Агар уязвленной Саре – пусть будет у нее в служанках.

Хорошо информированные биографы Авраама утверждают, что за время недолгого пребывания в Египте он успел обучить тамошних мудрецов астрономии и арифметике.

Десять праведников

1

Клан Авраама вернулся из Египта в страну Ханаан. Голод миновал, но избыточная сытость, подобная египетской, не наступила. Пилигримы осели на обещанную им землю и целиком предались обыденности повседневного труда, несправедливо и обидно называемого “идиотизмом деревенской жизни”. А тем временем Авраама уже ждало новое испытание.

Не смотря на окончание голода и, как следствие, общее смягчение нравов, полного идейного консенсуса аборигены и пришельцы еще не достигли. Хуже того, и внутри авраамова племени не обнаружилось монолитного единства, столь необходимого в тревожные времена избранному народу. Так что же все-таки произошло?

Пастухи Лота и пастухи Авраама пасли скот на лугах, принадлежавших местным жителям Ханаана. Последние уже примирились с мыслью о неотвратимости перехода их земли во владение любимцев Бога. Но это случится в будущем, а пока уголья находились в руках аборигенов. Сообразительные, они обратили внимание на то обстоятельство, что у Авраама нет прямых потомков, стало быть, его единственным наследником станет ближайший родственник Лот. Поэтому они резонно заключили, мол, пастухам Лота можно пасти скот на их лугах, а пастухам Авраама – нельзя, ибо важнее угодить перспективному племяннику, нежели его дяде.

Возник конфликт между скотоводами Лота и Авраама. Противостояние пастухов грозило перерасти в позорное насилие. Только поспешное вмешательство дипломатичного праотца позволило избежать скандала, а то и кровопролития. “Земля Ханаана велика, и зеленых лугов

хватит на всех - сказал Авраам племяннику, - поэтому я предлагаю разойтись нам с тобою в разные стороны пока не поздно!”

Лот согласился на любовное завершение спора, и лагерь его отыскал себе новое место стоянки. Нам точно не известны побудительные мотивы, повлиявшие на решение племянника Авраама. Возможно, Лот оценивал соотношение сил не в свою пользу и поэтому почел за благо принять мир как меньшее из зол. Но нельзя исключить, что он руководствовался высокой идеей и доброй волей.

С уверенностью мы можем утверждать две вещи. Во-первых, любовь Лота к дяде притупилась, а его приверженность авраамовой вере ослабела. Во-вторых, добрые семена, посеянные Авраамом в душе племянника, уже успели прорасти и пустить корни, и поэтому Лот, не смотря на некоторые проявления ренегатства, всё же не вернулся к скверне язычества.

Что касается Авраама, то он по-прежнему сохранял добрые чувства к племяннику, а, кроме того, допускал горькую вероятность остаться бездетным. Поэтому Лота он вынужден был рассматривать как возможного наследника, который станет основателем избранного Богом народа.

Господу не нравились такие мысли Авраама, они вызывали Его резонное недовольство. Ведь Он недвусмысленно обещал, что со временем дарует ему потомка от Сары. Почему же тогда Авраам не изгнал из головы мысль о бездетности? Бога обижало недоверие ставленника на земле. “Не доверять покровителю стыднее, чем быть обманутым им! – думал Господь, - неужели Авраам не понимает этого?” Да и возникновение противоречий между Лотом и Авраамом рассердило Всевышнего, справедливо желавшего безусловного единства в среде избираемого Им народа.

В качестве места своего нового пребывания Лот предпочел город Сдом, имевший самую дурную славу. Мерзость царила в Сдоме. Жизнь подавляющего числа обитателей представляла собой бесконечную цепь преступлений против морали, правосудия и человечности. Всё, что Всевышний почитал грехом, жители сего города возвели в закон, и, надо отдать им справедливость, отличались примерной законопослушностью.

Есть основания полагать, что Лот обосновался в Сдоме в пику Аврааму. Возможно, он замыслил перевоспитать грешников и утереть нос дяде. Он приобрел дом и жил в нем с женой и двумя дочками – девицами на выданье. Еще две дочери нашли себе мужей среди горожан и поселились отдельно от отца с матерью.

Следует признать, что Лот являлся самым праведным жителем Сдома.

2

Далее приключилась жестокая война в тех краях. Царю Нимроду нестерпима была мысль о моральном превосходстве Авраама. Он собрал войско и пошел в Ханаан воевать, дабы уничтожить опасного идеологического конкурента. По дороге к нему присоединились еще четыре царя со своими дружинами. Против этой армии выступили другие монархи, но не в защиту Авраама, а с намерением разбить потенциальных противников, а заодно пограбить Сдом и другие окрестные города.

Местные Ханаанские монархи, открывшие боевые действия против соединенных сил Нимрода, выдвинули бескорыстные мотивы для объявления войны: защитить собственное население от возможных посягательств на жизненно важные источники орошения, а также отвести угрозу духовным скрепам и родному языку жителей тех краев.

Первым пострадал Нимрод – погиб один из его сыновей. Скорбящий отец увел свою рать восвояси, но отечественная с обеих сторон война продолжалась. Трудно сказать, чья взяла, однако доподлинно известно, что Сдом был основательно разграблен, а Лота увели в плен.

Авраам бросил клич среди своих, мол, не годится отсиживаться, надо выручать Лота. Всем откликнувшимся на призыв, баснословно богатый Авраам раздал впрок ценные дары, дабы не возник у людей интерес к грабежу, а воевали бы только за освобождение пленника.

Далее Авраам сделал второй удивительный шаг. Он честно сказал будущим бойцам, что, поскольку жестокости на войне неминуемы, то, возможно, солдатам вольно или невольно выпадет совершать действия, которые на Божьем суде могут быть сочтены военными преступлениями, закрывающими дорогу в рай. Поэтому, кто не хочет подвергать опасности собственную репутацию, не обязан сражаться. Тем сам Авраам поставил людей перед моральным выбором: подвергнуть риску чистоту совести или оставить пленного на произвол судьбы.

Тут Авраам увидел воочию, сколь действенным оказалось усвоенная кланом идея о первостепенной значимости нравственных критериев: никто не стал рисковать важнейшей ценностью человеческого бытия, а именно, вечной жизнью в раю. Поэтому несостоявшиеся солдаты гордо разошлись по домам. Только Элиэзер выразил готовность сражаться, и, кто знает, не пожалел ли он об этом впоследствии?

В свою очередь Господь порадовался правильному выбору бойцов, с удовлетворением отметив убедительность собственной концепции предпочтения духовного материальному. Вместе с тем Он не мог не помочь лучшим людям своего народа. Поэтому Он придал Элиэзеру и самому Аврааму небывалую силу и отправил их двоих воевать против целых армий.

С Божьей помощью, решительно и беспощадно, Авраам и Элиэзер одолели противников. Лота освободили и вернули в Сдом. Город довольно скоро был отстроен и вновь бурно зажил по преступным своим законам. Оба победителя ничего не присвоили себе из имущества побежденных. Осчастливленные соплеменники предложили доблестному Аврааму стать их царем и богом. Разумеется, Авраам отказался от мнимой чести, при этом весьма огорчившись языческим рецидивом.

Всевышний отметил про себя прочность нравственной брони Авраама. В этом Он усматривал результат глубокого понимания последним Его учения. Именно так, безжалостно к чужим и милосердно по отношению к своим, должен действовать народ-избранник.

3

Читатели несомненно помнят, что Бог обещал Аврааму потомка от Сары, однако минуло вот уже десять лет, как супруги пребывали в Ханаане, а чрево ее по-прежнему было пусто. Оба горевали и оба недоумевали – ведь сказано же слово Господне!

Любя и жалея Авраама, сознавая Божественную необходимость продолжения его рода, почти забыв, а то и простив обидный египетский инцидент, Сара решила пожертвовать своею гордостью ради высшей цели. С тяжелым сердцем и легким помыслом обратилась она к супругу: “Милый, я потеряла надежду родить тебе сына, ибо прекратилось у меня обычное у женщин. Поэтому войди к молодой красавице Агар, дочери фараона, подаренной тебе им самим, и которую ты уступил мне в служанки, дабы загладить свою вину передо мной. Обещаю, не буду ревновать!”

Без колебаний Авраам исполнил просьбу Сары, вошел к Агар, и та понесла. Надо сказать, что Сара воспитывала служанку в духе праведности, старалась привить язычнице высокие моральные нормы и даже добилась некоторых успехов. Однако беременность изрядно повлияла на мировосприятие Агар. Она, презрев благоразумие и осторожность, стала гордиться перед бесплодной хозяйкой и даже подсмеивалась над ней.

Агар вспоминала безбедную, радостную, не обремененную надуманными, как ей казалось, нравственными стеснениями жизнь в изобильном Египте. Назойливые назидания Сары выглядели в ее глазах лицемерием, происходящим от слабости тела и нищеты духа. Она отдалась торжеству мстительного чувства и безрассудно тешила свое женское тщеславие.

Нетерпимость к чужому тщеславию проистекает из уязвления им своего собственного. Поначалу Сара крепилась и сносила насмешки. Только призывала на помощь дурной глаз (невыводимое пятно язычества) и вопреки логике первоначального своего великодушия желала, чтобы Агар выкинула. Поскольку сие не случилось, госпожа не захотела более терпеть возвышение служанки, забыла о данном ею непосильном обете не ревновать, изгнала беременную из дому, и бедняжка оказалась в безлюдной жаркой пустыне.

Кто правее из двух женщин? Бог им судья. Так и вышло. Обдумавши сие неловкое положение, Господь отправил на землю ангела Габриэля, поставив перед ним непростую цель умиротворения сторон. Посланец Неба успешно исполнил поручение. Авраам вернул Агар домой и потребовал от супруги проявлять больше терпимости и ни в коем случае не обращать царскую дочь в рабыню. Сара ослушалась мужа и возложила на Агар рабский труд – носить воду ведрами.

Не смотря на столь неблагоприятные условия вынашивания ребенка, Агар удалось сохранить плод, и в положенное время она разрешилась от бремени. Родившегося с Божьей помощью сына она назвала Ишмаэлем.

Жизнеописание Ишмаэля выходит за рамки нашего повествования. Однако отметим, что Ишмаэль, как и Ицхак, которому еще предстоит родиться у Сары, стал родоначальником многочисленного народа. Удивительно, но факт: на протяжении тысячелетий потомки Ишмаэля и Ицхака словно впитывали с молоком их матерей Агар и Сары взаимные обиды этих двух женщин. Результат неистребимой живучести зла мы наблюдаем и по сей день.

4

Задумав сделать семя Авраама своим избранным народом, Господь должен был изобрести некий убедительный признак принадлежности человека к славному племени. Разумеется, Бог весьма надеялся на нравственный перевес своих избранников над прочим людом, но будет ли такое преимущество очевидным для всех времен и народов? Нет, на это нельзя рассчитывать. Стало быть, духовного знака не достаточно, и требуется какая-либо однозначная телесная примета, которую нельзя толковать то так, то эдак.

Перебрав в уме разные возможности, Бог остановился на обрезании крайней плоти у новорожденных мужского пола. Всевышний принял во внимание, что теоретически иноплеменники вполне могут производить такую же процедуру и незаконно выдавать себя за избранников. Однако Он не посчитал такое плутовство практически реальным, резонно полагая следующее: во-первых, чужакам не доступно понимание восторга от принадлежности к избранному Им народу, а, во-вторых, они из чувства ложного милосердия не решатся на болезненную операцию над своими младенцами.

Необходимо было начать с взрослых мужчин клана – пришельцев из Ур-Касдима, о чем Бог и сообщил Аврааму. Последний с готовностью взялся исполнить указ, усматривая в нем еще одно возложенное на него Господом испытание верности. Он изготовил кремниевые ножи и раздал их своим адептам. Два из них – Анэр и Эшколь – скептически отнеслись к идее обрезания. Третий – Мамрэ – безоговорочно поддержал учителя.

При обсуждении вопроса на совете племени, Аврааму удалось убедить оппонентов в своей правоте. В течение одного дня всё мужское население лагеря произвело над собою предписанный Богом акт.

5

Разоренный войной город Сдом был, как сказано выше, быстро восстановлен, а Лот вернулся к родному очагу. Напомним, что первоначально в состав семьи Лота входили его жена и четверо дочерей. Двум старшим отец нашел мужей, и те забрали жен к себе. Две юных девицы на выданье продолжали жить под родительским кровом и уж имели нареченных женихов из числа горожан.

Лот по-прежнему оставался относительным праведником в сравнении с другими обитателями Сдома. Но всё же мерзость окружения не могла не сказаться на формировании его морального облика. Под влиянием среды Лот пристрастился к вину, хотя, справедливости ради надо заметить, что робкое начало этой червоточинке было положено во времена его пребывания в лагере Авраама, где тоже не чурались солнечного напитка.

Бог не желал долее терпеть существование осиног гнезда порока в земле Ханаанской. Поэтому Он вознамерился уничтожить город Сдом вместе с его преступными жителями. О своем решении Он поставил в известность Авраама. Господь вполне мог и не уведомлять своего любимца, но Ему важно было еще раз убедиться в милосердии Авраама, а, главное, в его готовности отстаивать справедливую избирательность суда.

Всевышний получил желаемое Им особое мнение Авраама, представляющее собой статистический подход, суть которого состоит в следующем. Мы называем Сдом местом грешников, но это не означает, что обязательно все его обитатели таковы. Для формирования негативного суждения в нашем склонном к лицепритию сознании, вполне достаточно лишь части, порой совсем малой части, преступников среди горожан. Иными словами, достойные имеются даже в запятнавшем себя мерзостью городе. Поэтому перед свершением суда необходимо отделить хороших от дурных.

Авраам добавил, что уничтожение жителей Сдома поголовно без разбору это, конечно, самое простое, однако нельзя стричь всех под одну гребенку. Наверняка среди обитателей города имеются приличные люди. Лишить жизни праведника ради избавления от грешника вовсе не есть справедливость, ибо злое деяние не годится для искоренения зла. Не лучше ли оставить безнаказанными виноватых, чем заодно с ними карать безвинных?

В полемике, возникшей между Господом и Авраамом, последний просил не уничтожать город и горожан, если выяснится, что среди его жителей есть пятьдесят честных людей. Бог принял это. Тогда Авраам повысил до сорока порог справедливости судопроизводства. И на это Бог согласился. Дискуссанты остановились на десяти. Авраама это вполне устроило. Дело в том, что он имел в виду Лота с семьей: сам Лот, его жена, две замужние дочери с мужьями, две девицы на выданье с женихами – итого десять человек!

Лоту и его родне была предоставлена возможность оставить Сдом за несколько часов до ликвидации сего места. К сожалению, старшие дочери с мужьями и женихи младших дочерей

не пошли за Лотом, не поверив в нависшую над ними смертельную опасность. Стены города покинули четверо – отец с матерью и две незамужних дочери.

Ангел, который помогал Господу, строго-настрого наказал Лоту и женщинам, ни в коем случае не оборачиваться в пути. Причина запрета до конца не выяснена и по сей день, но, по мнению авторитетов, Господь якобы не хотел, чтобы смертные увидели Его за свершением кары. Бог дождем пролил на город серу и огонь, и сгинул Сдом со всеми своими обитателями.

Увы, жена Лота не утерпела и обернулась. Нет, дело тут вовсе не в женском любопытстве, как полагают некоторые неглубокие исследователи древности. Сердце матери болело за оставшихся в городе дочерей, хотелось увидеть девочек в последний раз!

Возмездие за нарушение запрета последовало немедленно. Супруга Лота превратилась в соляной столб. Знатоки утверждают, будто бы и по сей день пастухи останавливают в этом месте стада, и быки, организм которых требует соли, лижут столб.

Далее с Лотом и его двумя незамужними дочерьми случилась пренеприятнейшая история, легшая несмываемым пятном на репутацию этих исторических персонажей. Покинув Сдом и разместившись временно в уединенном месте, девицы ошибочно посчитали, что им не суждено в будущем вновь оказаться среди людей. В панике подумали они: “Женихи наши погибли, и никогда не будет у нас мужей, и не испытать нам материнского счастья, и ждет нас бездетная судьба!”

Тогда одна из них сказала: “Напою-ка я родителя вином, войду к нему ночью в шалаш, и он, пребывая в беспамятстве, оплодотворит меня!” Задумано – сделано. В следующую ночь ее примеру последовала сестра. Так обе девы зачали от собственного отца.

Дальше в спор – больше слов

Итак, мятежное семейство покинуло родные места в Вавилонии и отправилось в указанную Богом землю Ханаанскую. Там от семени Авраама должен родиться великий народ, коего Господь назначил своим избранником. По замыслам Всевышнего и раба Его, преданного Авраама, сей союз (а по циничному выражению некоторых – сделка) сулил великие преимущества обеим сторонам.

Время шло своим чередом. Господь всё экзаменовал и проверял Авраама, а тот, с точки зрения своего высочайшего наставителя, вполне удовлетворительно, хоть и случались шероховатости, выдерживал испытания. Поскольку еще не все обязательства сторон были выполнены, союз пока не вступил в законную силу. Тем не менее, Бог требовал, а Авраам старался, жить по новым принципам.

В стане Авраама пока не было достигнуто необходимое по мысли Бога полное единогласие в отношении достоинств союза. Находились инакомыслящие, раздавались неудобные голоса оппозиционеров, не все выражали довольство. Аврааму приходилось время от времени возвращаться к истокам и напоминать людям о прелестях избранничества. Нехитрое дело уговорить большинство, трудно усмирить критичное меньшинство.

Время для бесед Авраам избирал вечернее и обязательно после сытного ужина, когда люди, утомленные дневными трудами и занятые перевариванием доброй порции молодой козлятины, бывали не слишком расположены к возражениям. Впрочем, иногда разговор осложнялся, и возникал спор.

- Не правда ли, замечательное мясо сварили сегодня мои женщины, Сара и Агар? – задал Авраам риторический вопрос своим семейным и гостям, усевшимся у костра широким кругом.

- Изумительное мясо! - поддакнул Элиэзер.

- Прекрасные женщины! – воскликнул Лот, приглашенный на ужин вместе с дочерьми, обе в деликатном положении.

- Сынок, передай, пожалуйста, Лоту эту чашу с вином, - обратился Терах к Аврааму.

- Нечего потакать пьянству! – сердито возразила Сара, бросив многозначительный и полный презрения взгляд на округлившиеся животы злополучных дочерей Лота.

- Мне кажется, Авраам, твоя вавилонская сестра сегодня не в духе, - заметила Агар.

- Я жена ему! – взвилась Сара.

- Неужто? А где же брачный плод, зреющий во исполнение мечты? – уколола Агар первую жену.

- Злопыхательство! - вспыхнула Сара, - прошу тебя, Авраам, уйми, наконец, египетскую содержанку!

- Ты распустил своих баб, сынок, - сухо вставил Терах.

- Хватит ссориться, женщины! – призвал жен к порядку Авраам, - я похвалил вас за вкусно приготовленный ужин, но могу и наказать за склоку.

- Кого любят, того и наказывают! – пискнула Агар.

- Наказанием не устроишь и не исправишь мир! – добавила Сара.

- К умелым рукам да добрые бы языки! – поддержал хозяина Элиэзер.

- У Сары есть серьезная причина для досады, - заметил Лот, возвратив Аврааму опустошенную чашу и незлопамятно поглядев на Сару.

- Авраам, уж годы минули с тех пор, как твой добродей на Небесах обещал вам с Сарой наследника, а всё ни тпру ни ну, и нет у меня внука от сына и дочери! – бросил Терах, - пришлось тебе сойтись с египтянкой, и родила она тебе Ишмаэля, и как бы не стал род его врагом нашему роду!

- Отец, побереги соль для козлятины, не сыпь на раны! – недовольно ответил Авраам и обнял за плечи всхлипнувшую Сару, - чтоб сбылись обещания Господа надо верить им и в Него, не так ли, Сара?

- Нет, не так! – сердито воскликнула Сара и сбросила с плеча руку Авраама, - молодость коротка, уж не в бессильной ли старости ждать обещанного? Ставит вере предел пустое ожидание – сам прекрасно знаешь. Не признавал бы этого, дорогой муженек – не приголубил бы Агар!

- Ложь! – вскричала Агар, - не по неволе, а по любви взаимной сблизилась мы с Авраамом! Ведь правда, милый?

- Не отвечаешь, дядюшка, словно вопроса не слышал! – зацепил родственника Лот, - хотя семейное твоё дело меня не касается. А вот бесконечное ожидание – моя печаль! Господь обещался дать тебе, Авраам, власть над землею от Египта до реки Пырат. А за посулом этим война и кровь! Да где уж нам на великое царство посягать, коли и Ханаанская-то земля не по зубам! Вон, пастухи твои на моих пастухов чуть было вилы не подняли. Пришлось мне уйти в нечестивый Сдом. Господь твой уничтожил скверну, а я вот двух дочерей с зятьями потерял, и женихов мои девочки лишились, и сам я остался без супруги.

- Утешься, Лот, скоро новый приплод появится: дети у тебя народятся, они же и внуками тебе станут, плохо разве? – не смолчал Терах.

- Всего одна чаша выпита, а какая путаница в голове твоей, Лот! – вмешался Элиэзер, - да и неправдой ты не брезгуешь!

- Не мне Господь посулил владеть великими пространствами, а народу, который от моего семени произойдет, то бишь далеким моим потомкам, - возразил племяннику Авраам, - а что ты в преступном Сдоме обрелся – так, признайся, Лот, это же твой выбор был!

- Пастухи меж собой не поладили – вовсе не по вине Всевышнего, а по неразумию аборигенов-язычников, неужто не ясно тебе, Лот? – поддержал хозяина верный раб его Элиэзер.

- Ты, Авраам, и Господь твой, вместе уповаете на безмятежное будущее, - глубокомысленно сказал Терах, - мол, сделает Он наш народ избранником, мы же в ответ прилипем к праведности и станем примером прочим народам, и они признают Его единственным Богом и станут нам, богобоязненным, подражать. Я прожил двести лет, я был большим царедворцем, и поверь опыту, сын мой, - не сбудутся досужие мечты! Принять Господа – примут, а более ничего из задуманного вами не случится. Зол человек от природы, а добро лицемерием заместит. Никогда не бывать миру и благодати. И простолюдin на простолюдина покусится, и царь на царя войско поведет...

- Остановись, отец! – испуганно вскричал Авраам, - или хочешь расположения Господа лишиться за слова свои богопротивные?

- Не годится Господу перечить – вот вам слово раба! – воскликнул Элиэзер.

- Оно и понятно! Если Бог один, и нет других богов, - подала голос Агар, - то кто ж Ему возразит? Хочешь не хочешь – а соглашайся!

- Зачем же возражать, коли Он всегда прав? – рассмеялся Авраам.

- Всегда прав только тот, чей голос единственно разрешенный! – пробурчал Терах.

- Истина в словах язычницы! – неожиданно заявила Сара, - ты, Авраам, как и благодетель твой на Небесах, не терпишь несогласия, за инакомыслие караешь!

- Остракизм альтернативных идей есть логическое следствие всеобъемлющей сингулярности – ни тебе свободы мысли, ни тебе свободы слова, - стряхнув хмельную дремоту, важно заявил Лот.

- Авраам, повторяю – урезонь своих баб, в неженский разговор встревают! – настоятельно посоветовал сыну Терах.

- Благодарю за совет! – недовольно ответил отцу Авраам, - да только не хочу я, чтобы думал Лот, будто и вправду я свободы враг. Ни в коем случае! Осознай необходимость, то бишь прими волю Бога – и ты свободен! Шестьсот тринадцать заповедей дал народу нашему Господь – истинный простор для свободы!

- А прочим народам – только семь заповедей положено, свобода их урезана! – поддержал Элиэзер.

- А благо ли это – так много заповедей? – задался вопросом Терах, - ответственность-то какая! Кому много дано, с того и спрос велик. А ведь избранники-то не лучше иных! Стало быть, благодеяния Всевышнего обернутся для нас вечным гневом Его – тут мы в чем-то оплошали, там мы чего-то не исполнили!

- Париями станем! – изрек Лот, - невзлюбят нас прочие народы, что заносимся перед ними, а как увидят, что и Бог с нами особенно строг – укажут нам на дверь. Вечными изгнанниками быть – судьба наша. И везде окажемся пришлыми, а чужих во всех бедах винят. Даже вину за голод в Ханаане аборигены на нас, иноземцев, возложили.

- Я и раньше говорил, - вмешался Анэр, - надо было вместе с аборигенами голоду противостоять! Себялюбие ни у кого не в чести!

- К чему нам было этот голод сносить, коли могли его в Египте пересидеть! – заявил Мамрэ.

- Зря в Египет пошли! – убежденно возразил Эшколь.

- Да почему же зря? – не согласился Авраам, уж то хорошо, что я тамошних мудрецов арифметике и астрономии выучил!

- Ошибаешься, сын, - заметил Терах, - это наши вавилонские мудрецы у египтян учились. А за зазнайство всегда битыми будем!

- Не посмеют тронуть нас! – вскричал Авраам, - ведь тело избранников украсит знак союза с Господом!

- Наоборот, еще как посмеют! - воскликнул Эшколь, - для язычников сей уличительный знак союза станет знаком гонения!

- Не согласен с Эшколем! – решительно заявил Мамрэ, - это признак для нас, не для язычников. А что до гонений, то врагам, чтоб распознать народ наш, сия примета не потребуется. Избранники – как солнце, а знак не нужен солнцу, его и так отличат от тьмы! Я поддерживаю Авраама!

- Обрезание крайней плоти – опасная для слабых младенцев затея! – возразил Анэр.

- А вы помалкивайте! – крикнул Терах, грозно глянув на Сару и Агар, которые собрались высказаться по поводу обрезания крайней плоти, - женщин это не касается!

- Никто не поднимет меча на избранников, ибо народ наш един и потому непобедим, - воскликнул Элиэзер.

- Един – это верно! - ухмыльнулся Лот, - все как один не пошли на войну выручать меня из плена, только ты, Элиэзер, один, решил на бой. За это благодарю!

Горят и чадят корабли

1

Как-то раз хватился Всевышний, мол, давным-давно обещал Аврааму сына от Сары, уж годы минули, а до сих пор нет долгожданного дитяти. “Нельзя слишком долго испытывать терпение смертных, - говорил себе Господь, - ибо они всего-навсего люди, и даже лучшие из них далеки от Небесного совершенства. Вера их не исконна, как у ангелов, но привнесена Мною извне, скреплена самовнушением и потому хрупка”.

Бог поспешил отправить на землю ангела Габриэля, дабы уведомить Авраама и Сару, что Он ничего не забыл, помнит свой обет, и через год родится у них сын. Не секрет, что Сара с сомнением отнеслась к известию Габриэля, указав ему на обстоятельство, о котором прежде говорила мужу. Факт недоверия в очередной раз огорчил, но отнюдь не удивил Господа.

Подумал Он: “Люди чересчур материалистичны, лишены фантазии, необходимой для понимания чудес, и к идеям недоверчивы. Точнее, не красоту слов, но силу деяний уважают они, а, еще точнее, они уважают силу. Ни одно из Моих творений не может сразу стать совершенным. Ох, и много же ещё впереди у Меня воспитательной работы!”

Бог не ошибся, характеризуя людей – вершину своего Творения – как существ, ценящих реальные вещи выше идеальных.

Вскоре Сара понесла и, счастливая, сообщила новость Аврааму. Никакого красноречия не достанет, чтобы описать чувства обоих. Они принялись горячо благодарить Господа, в молитвах выражая несказанную радость, и не забывали каяться в никчемности былых сомнений.

Столетние Авраам и Сара глядели друг на друга и созерцали чудо: словно жених и невеста, юные и прекрасные, они жадно дышали вернувшейся молодостью, ловили уходящее время. Впоследствии Сара будет вспоминать дни беременности как лучшую пору жизни. “Я удостоена Божественной благодати! Я - мать! Как бесконечно много в этом слове слилось для женского сердца!” – ликовала она.

По-мужски менее эмоциональный Авраам обдумывал практические шаги близкого будущего, как-то: обрезание мальчика и пир по этому случаю. Имя новорожденному было заготовлено заранее – Ицхак. Забегая вперед, сообщим взволнованному читателю, что в положенный срок Сара благополучно разрешится от бремени и родит здорового младенца.

Еще до появления на свет Ицхака, случилось так, что Авраам и Сара оказались во владениях царя Авимелаха. Повторился знакомый египетский сюжет: Авраам, по известным читателю резонам, назвал Сару не женой, а сестрой. Рецидив не вполне рыцарского поступка мужа на сей раз почти не огорчил Сару, ибо к тому времени она уже носила под сердцем дитя, и ожидание счастья наполняло все ее существо, не оставляя места для внимания к досадным мелочам.

Царь Авимелах, когда узнал правду, не захотел ссориться с любимцем Бога. Монарх вернул владельцу его достояние, щедро одарил и отпустил с миром. Иными словами, как и в египетской истории, Авраам вышел из этой переделки с немалым прибытком. Мудрецы отмечают, что Сара получила в подарок от Авимелаха замечательное платье, из плотной и теплой ткани, закрытое и скромное.

После торжеств по поводу обрезания Ицхака, недруги Авраама стали распространять в народе злонамеренные сплетни, дескать, истинным отцом ребенка является царь Авимелак, мужчина во цвете лет, а вовсе не престарелый Авраам.

Гнусная инсинуация преследовала две цели. Во-первых, непримиримые противники партнерства с Богом тщились доказать, что у Авраама нет потомка, от которого, согласно договору, должен произойти богоизбранный народ, и поэтому союз с Господом не будет иметь законной силы. Во-вторых, людям трудно отказать себе в удовольствии нанести моральный ущерб сильному и удачливому.

В худословии клеветников Всевышний справедливо усмотрел покушение и на свою собственную репутацию. Поэтому Он поспешил отрядить на землю вездесущего Габриэля, чтобы тот немедленно преобразил лицо новорожденного Ицхака, придав ему черты бесспорного сходства с Авраамом. В результате успешного осуществления сей процедуры, Ицхак с первых дней своей жизни стал удивительным образом походить на отца. Опровергая лукавые измышления, Авраам демонстрировал новорожденного сына всем друзьям и врагам, посрамляя шептунов. Так, с Божьей помощью, была ликвидирована еще одна препона на пути к союзу.

2

Подробное и всестороннее описание жизни и деяний Ицхака не уместится в скромные рамки настоящей повести. Но нельзя не остановиться у важнейшей вехи его биографии, а именно, мы обязаны рассмотреть попытку отца принести в жертву любимого сына. Известие об этом событии неистово ворвалось в души наших персонажей, оставив глубокий и болезненный след в их мыслях и чувствах. Сия драматическая история расценивается знатоками как великое и успешное испытание Авраама на верность Господу, но нашлись критики, посчитавшие происшествие скандальным.

Ицхаку было чуть-чуть за тридцать. Пока холост. В Книге книг можно прочитать о том, как раб Элиэзер приведет ему жену. Это произойдет позднее, после чудесного спасения Ицхака от жертвенного огня. Пока же Ицхак во всем следовал за родителем.

Выяснилось, что не только чертами лица, но и складом души, намерениями и делами сын повторял отца. Авраам по-прежнему неустанно вербовал сторонников своей веры и союза с Господом. Ему помогал и старался ни в чем не отставать молодой энергичный Ицхак. Радовался за отпрыска Авраам: “Дитя это, данное мне Господом, беспременно станет моим духовным наследником, и свершится великий Небесный замысел, и удостоится наш народ избранничества Божьего!”

По существу, условия союза меж Господом и Авраамом были уже соблюдены, и, по мнению последнего, настало время исполнения взаимных обязательств в полной мере. Однако Бог принял решение о последнем, самом важном и истинно благородном испытании своего земного протеже.

В одно прекрасное утро услышал Авраам голос Всевышнего с Небес: “Возьми Ицхака, сына своего любимого и принеси его в жертву всесожжения!” Нам не известно доподлинно, что творилось в душе Авраама, получившего столь удивительное и неожиданное приказание. Тем не менее, знатоки с чрезвычайным одобрением и абсолютно уверенно утверждают, что действия отца, готовящегося сжечь сына, выражали кротость, понимание и непротивление. И действительно, Авраам наколот дров, приготовил веревку, взял острый нож, снарядил осла и вместе с Ицхаком отправился на указанное Богом место.

Дойдя до цели, Авраам разложил поленья, добавил хворосту и приготовился разводить огонь. Тут Ицхак подал голос: “Отец, а где же агнец для всесожжения?” Последовал лаконичный ответ: “Бог усмотрит себе агнца!” Возможно, в этих словах Авраама крылась надежда, а то и уверенность, что сожжение Ицхака не состоится, ибо это есть святая мистификация ради испытания верности. Если была в голове Авраама такая мысль, то сей факт является весьма значительным и требует квалифицированного толкования.

Далее Авраам принялся связывать сына по рукам и ногам. Ицхак все понял. Его биографы пишут, что в свой предсмертный час он вел себя в высшей степени достойно. Сын просил отца потуже затягивать веревку, и сам старался помочь престарелому родителю. “А вдруг в последний момент перед возложением меня на огонь я ужаснусь своей судьбе и попытаюсь высвободиться – говорил Ицхак, - я молод и силен, мне тридцать с небольшим, и трудно тебе будет справиться со мною, отец, поэтому вяжи крепче! Сожги меня, а пепел отдай матушке, чтобы помнила сына. Господь продлит ее и твои годы, и старость ваша не будет столь горька”.

Само собою разумеется, что Господь не имел намерения губить Ицхака, ибо без наследника Авраам не смог бы заключить никакого союза, и жаль, что договаривающиеся стороны не обсудили этот предмет своевременно, в то прекрасное утро, когда прозвучал с Небес голос Всевышнего.

Вероятнее всего, Богу достаточно было окончательно убедиться в абсолютной верноподданности отца и сына. Всякое жертвоприношение подразумевает согласие между принимающим жертву, приносящим ее и самую жертвой. Когда Авраам занес над Ицхаком нож для решающего удара, слетел с Неба ангел Габриэль и остановил руку отца. Тут Авраам увидел агнца в кустах и зарезал и сжег его заместо любимого сына.

Приняв жертву, Господь разъяснил подоплеку своего повеления Аврааму и воздал ему заслуженную хвалу. Затем Он вновь повторил три своих обещания. На этот раз дело было решено окончательно. Так счастливо закончилось самое драматическое событие в жизни Авраама и Ицхака. Однако история сия оказала чрезвычайно травмирующее действие на Сару и, кажется, не только на нее.

3

После достойно выдержанного испытания и краткого периода восстановительного лечения нервной системы, Авраам собрал вокруг себя главных действующих лиц своей биографии с намерением объявить о вступлении в силу союза со Всевышним.

Среди народа у Авраама не было недостатка в горячих сторонниках, но находились и оппоненты. Доводы последних укрепились вследствие истории с наложением пут на Ицхака. Совершенно естественно, что горше всех страдала Сара.

Об умысле Авраама принести в жертву всесожжения их единственного сына Сара узнала со слов злого ангела (есть и такие на Небесах), явившегося к ней, когда муж и сын куда-то пропали. Материнское сердце трепетало от страха. К счастью, не напрасно старушка ждала сына домой, но даже благополучная развязка не вернула Саре оптимизма и радости жизни. По существу, мать не смогла пережить потрясение и так и не оправилась от удара. Вскоре она умрет, а за ней сойдет в могилу и супруг ее.

Но сейчас все живы, явились по зову Авраама, и он приготовился огласить важное сообщение. Авраам начал сходку с того, что в тысячный раз разъяснил собравшимся суть союза.

- Напоминаю, смысл моего с Господом договора состоит в том, - проговорил Авраам, - что Всевышний сделает семя мое избранным народом, который, в свою очередь, признает Его единственным Богом и будет споспешествовать принятию прочими племенами идеи единственности Творца. Обе стороны окажутся в выигрыше.

- Ты любишь рассуждать о выигрышах, - заметил сыну Терах, - а вот Сара, кровная дочь моя и верная жена тебе, не об этом тужит. Взгляни-ка на бедняжку: про неё говорили прежде “кровь с молоком”, а нынче поникла она, слаба стала, бледна, лишилась аппетита. Не происшествие с Ицхаком тому причиной?

- Мне больно за Сару, - вставил Лот, - почему ты, Авраам, и Господь твой, подвергли бедняжку страшной муке?

- Ах, оставьте Авраама и Бога его не корите, - вместо мужа тихим голосом ответила Сара, - главное – Ицхак жив, дитя преклонных лет моих, утеха старости, - добавила мать и обняла сына немощными руками, поцеловала в лоб.

- Женщина сия – образец благородства, - вставил слово Элиэзер, - воистину она заслуживает почетного погребения!

- Элиэзер! Я прошу сперва думать, а потом открывать рот! – сердито заметил Ицхак.

- Пожалуйста, Ицхак, не гневись на Элиэзера, - воскликнул Авраам, - в скором будущем этот человек сослужит службу тебе и всему народу нашему – я уполномочу его найти для тебя жену, лучшую в мире девицу!

- Было время, Авраам, когда твоя Сара слыла лучшей в мире девицей, - вмешался Лот, - так почему же ты согласился лишить сына эту святую женщину? Поясни мне, может, я чего не понимаю?

- Безусловно, ты не понимаешь, - отвечив Авраам, - ибо трудно тебе и многим другим уразуметь столь высокое. Попытаюсь приоткрыть завесу, впрочем, мало рассчитываю на успех. Я смело задал вопрос Господу, зачем Ему было проверять мою и Ицхака преданность, разве Он не был до конца уверен в нас?

- И каков же был Его ответ, отец? – вмешался Ицхак.

- Сказал, Господь, что Он не имел сомнений в отношении меня и сына, но требовалось Ему, чтобы прочие народы навсегда поверили в мою и Ицхака преданность и величие! – гордо ответил Авраам.

- Замах велик, да только мать Он не спросил и не пожалел! - бросил Терах.

- Не спросил Он мать, зато мать спросит сына, - промолвила Сара, - скажи мне, сынок, что чувствовал ты, когда отец связывал тебя?

- Я счастлив был своею долей, матушка, - всхлипнув, ответил Ицхак, - я помогал отцу затягивать узлы, а еще я думал о тебе, я не сомневался, что ты будешь гордиться сыном, и просил родителя передать тебе мой прах.

- Я подтверждаю истинность слов нашего с тобою отпрыска, Сара, - торжественно поддержал Авраам, - еще не зная, чем кончится испытание, я не только воспарял в величии своем, но и горевал твоим горем, и какое счастье, что Бог был столь благосклонен к нашему семейству!

- Спасибо, милые супруг и сын, что помнили обо мне, - едва слышно проговорила Сара, и слезы умиления и благодарности неудержимо потекли по морщинистым щекам.

- Ицхак, мне тяжело слышать твои речи о счастье быть сожженным, - мрачно заметил Лот, - как если бы вол радовался ярму!

- Уж кому-кому, а мне, бывшему царедворцу хорошо знакомо действие высочайшей тирании, - грустно вставил Терах, - благодарить за зло и толковать его как благо.

- Вы не с нами, Терах и Лот, ваши мысли и речи – чужие! - сурово сказал Элиэзер.

- Просто отец и племянник отвыкли от человеческих чувств и слов, - пояснил рабу Авраам.

- Человеческие чувства и слова? – взвился Лот, - они должны быть у каждого свои! Но высочайшая тирания единственности потребует всепроникающего единомыслия, которое заполнит всё – и быль, и сказку и любовь. И тогда забудутся человеческие чувства и слова!

- Но если будет плохо народу нашему, то он расторгнет союз, не так ли, Авраам? – робко спросила Сара.

- О, нет, нет, нет и еще раз нет! – вдохновился Авраам, - наша с Господом идея пронзительно глубока! Никогда у народа не возникнет желание разорвать договор избранничества. Сладкая убежденность в превосходстве всегда пересилит неизбежные муки за него!

- Согласен. За вечную мысль об избранничестве и превосходстве, что как червь обовьет души потомков наших, неизбежно будут мучить нас прочие народы. Но и отступники найдутся среди нас! – бросил Терех.

- Бог и народ будут безжалостны к дезертирам веры! – заявил Элиэзер.

- Не всякий благословен исключительной силы воображением, чтоб верить, – заметила Сара.

- Конечно, не всякий, матушка, - сказал Ицхак, - но даже лишённые этого дара прилепятся к фантазерам, ибо чрезвычайно заразительна мысль о превосходстве!

- Сын мой, - воскликнул Терах, - когда вполне сбудется ваша с Господом мечта о союзе, многие народы признают Бога своим и единственным. Но войны и вражда останутся. Как известно, все без исключения воюющие и враждующие не сомневаются в своей правоте, и поэтому будут настойчиво претендовать на помощь единственного покровителя на Небесах. Противники станут взывать к Нему, и кому же Он должен помогать? Все они равны перед Ним своею верою в Него. Впору посочувствовать Господу!

- Ах, отец! – ответил Авраам, - я не думал об этом, но Всевышний, да будет Он славен во веки веков, знает всё!

- Авраам, я моложе тебя, но опыт мой богаче, ибо я не только отведал праведности Божьей, но и вкусил греха в Сдоме. Посему прошу тебя: пока не поздно, возьми у Господа отсрочку, а мы еще немного поразмышляем о пользе союза, - воскликнул Лот.

- Поздно, Лот. Корабли сожжены, и грядет новое под солнцем!